

лен, меланхоличен, коварен, предатель, колдун, маг, несчастен, не люблю своих, отвратителен, сумрачен, вещун, ревнив, шутник, клеветник, изменчив, слабохарактерен; вот какие во мне противоречия характера и поведения» (*Cardanus*, XII, с. 84).

Разве можно заковать столь неопределенное, хотя и цельное в своей неопределенности, поистине возрожденческое существо в железные наручники средневекового послушания, пусть даже и понятого как инокультурная ересь? Ни рецепт, ни авторитет, освящающий этот рецепт, ему не надобны. Средневековье и *Кардано* несовместимы. Он «раздвоен, расстроен... расчленен, распят».

Путь от человека до бога сжался до точки. Человек Возрождения божествен сам по себе. Формируется личность, в которой каждый раз прорываются наружу потенции к ежеминутному ее самоизменению. При этом бог есть не самое лучшее *alter ego* человека Возрождения — человек Возрождения хорош и так. Коллективный субъект, понимаемый, однако, как индивид, рассыпается. Остаются индивидуальные индивидуальности. Все до одного разные. Они творят идеализированные объекты, а из них мир как образ, а не как образцовый текст. Но не алхимия ли, включенная в состав средневековой культуры, ускорила рождение гуманиста Возрождения? Средневековые *modus operandi* и *modus cogitandi* окончательно слились в инокультурный, тоже, впрочем, средневековый *modus vivendi* истового средневекового послушника — правоверного еретика. Но прежде опять-таки потребно общение межкультурное: античность — средние века — Возрождение. Нужен новый диалог: диалог средневекового человека со своим античным прошлым существованием, со своим возрожденческим будущим.

Исторический *Роджер Бэкон* таит в себе возможность диалогической раздвоенности-удвоенности и по диахронии: томление по раннехристианскому идеалу, с одной стороны; опыт в духе Новой науки — с другой.

Вновь двуликий (триликий) *Янус*. Горизонтальная почти симметрия. Исторический результат — человек Ренессанса.

Исследование оппозиции правоверный еретик — инокультурный пришелец, составившее содержание эпилога, намекает на двухчастное построение нашего сочинения, неумолимо подступающего к своему концу. Диалог в замкнутом мире воплощается в монашеско-алхимическом *Роджере Бэконе*. Межкультурные взаимодействия на алхимическом перекрестке культур можно было бы уловить в некоем антично-средневеково-ренессансном гуманисте⁵⁰. Иначе — в человеке средневековья, делающем культуру европейских средних веков и живущем в этой культуре.

Однако цельное пространство эпилога не стало подтверждением

⁵⁰ Например, у *Петрарки*, в его «Тайне» («*Secretum Suum*»), апеллирующего к *Августину*, литературно-историческому персонажу, ставшему тайной ипостасью поэта. Лишь в художественной практике ренессансной культуры коллизия правоверный еретик — инокультурный пришелец предстает как диалогическая целостность. Но о том особая речь.